

©2001 г.

Р.Д. ХУНАГОВ, А.Ю. ШАДЖЕ

КАВКАЗСКИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ХУНАГОВ Рашид Думалиевич - доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета. ШАДЖЕ Асиет Юсуфовна - доктор философских наук, профессор того же вуза.

Наша нынешняя действительность диктует необходимость преодоления сложившихся парадигм мышления, поиска нетрадиционных подходов в разработке новой модели будущего России. Особенность этой модели и, пожалуй, главное звено национальной политики российского государства на пороге XXI века видятся в укреплении его внутреннего единства и неразделенности. А это выдвигает на первый план теоретически и практически чрезвычайно важный вопрос - как совместить право и силу в государственной политике?

Сегодня представляется весьма обоснованным и востребованным ответ на этот вопрос замечательного русского философа В.С. Соловьева: "Одно только мы знаем наверное: если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречется от национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренно и крепко духовной свободы и истины - она никогда не может иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних" [1].

Существенно и другое. Целостность и будущность России связаны с ее полиэтничностью. Не следует уповать на этнические победы, это гибель для страны. Стало очевидным также, что попытка подогнуть все национальные культуры под одну бесперспективна. Отсюда возникает потребность проведения политической линии, направленной на обеспечение благоприятных условий для жизнедеятельности каждого этноса - большого и малого.

В качестве примера равноправного сотрудничества этносов в рамках полиэтничного общества обычно приводят швейцарскую модель, опирающуюся на признание величайшей ценности культурных различий. Швейцария на протяжении всей своей истории стремилась сохранить этнокультурное разнообразие. Значимость такой тенденции в том, что полиэтничная, поликонфессиональная и поликультурная среда формирует у людей толерантное сознание и способствует пониманию друг друга.

Для упрочения полиэтничной России важны выявление аксиологической доминанты этницизма и преломление ее в плоскость реальной жизни. Это, возможно, позволит сформироваться межэтническому согласию в нашем Отечестве.

Нарастающий интерес к Кавказу связан со сложными и противоречивыми процессами, разворачивающимися здесь. В отечественной социальной науке нет концепции, на основе которой объективно анализировались проблемы и перспективы его дальнейшего развития. Имеющиеся исследования ограничиваются по преимуществу описанием традиций, поведенческих норм, установлений в быту, что не раскрывает сущности целого, не позволяет определить основополагающие, базовые компоненты этнокультурного феномена, недостаточная изученность ценностного потенциала которого серьезно ослабляет российскую национальную политику в северокавказском регионе. Провозглашаемая на уровне призывов и лозунгов, она не приносит нужных результатов. Силловые методы сохранения территориальной целостности Федерации запутывают и без того сложную ситуацию. "Пришло время заново продумать всю нашу политику на Северном Кавказе. И обязательно с помощью кавказских лидеров. Да и пришло время выработать новое представление о том,

что означает целостность страны" [2]. Вот почему столь насущна корреляция науки и политики.

Не существует готовых проектов урегулирования этнических конфликтов. Рецепты и схемы, предлагаемые западными конфликтологами, не всегда не приживаются на российской, в частности, - кавказской почве. Поэтому важно изучение Кавказа изнутри нами, тут живущими. Надобны углубленное осмысление и моделирование культурно-цивилизационных процессов, прогнозирование их характера и направления, определение путей к социально устойчивому развитию. Для этого следует объединить усилия ученых и политиков, проявлять объективность и мудрость.

О кавказском факторе можно размышлять в онтологическом, гносеологическом, аксиологическом аспектах. Такой анализ возможен в культурно-цивилизационном контексте, охватывающем как Кавказ, так и Россию, мир в целом. Однако предпринимающиеся отечественной наукой попытки обоснования региональной специфики, зачастую поверхностны, далеки от проникновения в ее глубинную ткань и, как правило, замыкаются на мысли о традиционализме, якобы тормозящем модернизационные процессы. Полагаем, что как раз этим обусловлено негативное отношение к кавказскому фактору, преобладание пессимистического взгляда на "неудобный" этнический момент. Исходя из этого, раздаются призывы не брать его в расчет, выдвигаются одинаковые критерии подхода и оценки в различных конкретно-исторических обстоятельствах, естественно, и в различных культурах. Справедливо и правильно ли это? Ведь каждая культура является особой национальной формой общей, мировой культурной среды. Констатируя наличие кавказского фактора, мы рассматриваем кавказскую культуру как разновидность российской и всемирной культур, а сам регион как одно из пространств человеческого сообщества.

Думается, современную реальность невозможно постичь, осознать с позиции какой-нибудь одной культуры. Ясно, что та или иная локальная культурная традиция не в состоянии без насильственных потрясений навязать кому-либо свои ценности и претендовать на установление гегемонии. Оттого так необходимо равноправное сотворчество народов, взаимообогащение всеобщего отдельным и особенным. Данный ракурс, несомненно, может оказаться полезным при разработке эффективной концептуальной политики России на Кавказе.

Сделав некоторое отступление, заметим: в постсоветское время в сознании россиян появился некий новый термин - "лица кавказской национальности", встречающийся не только в средствах массовой информации, но и на страницах научных журналов, в официальных документах. Надо ли говорить, что вызванное незнанием Кавказа и кавказцев подобное отождествление, которому подвергается кавказская идентичность, несет в себе неприкрытый отрицательный заряд и конфликтогенность. Не случайно, по данным Российского независимого института социальных и национальных проблем (1997 г.), на открытый вопрос "К людям какой национальности россияне испытывают чувство наибольшей антипатии?" 14% молодежи и 13,4% представителей старшего поколения ответили: к кавказцам, соответственно 12,4 и 17,8% - к чеченцам, 7,4 и 6,2% - к евреям, 5,1 и 4,4% - к азербайджанцам, 4 и 2,3% - к армянам. Похоже, распространившиеся в ходе военных действий в Чечне античеченские настроения получили обобщенное выражение в неприятии кавказцев вообще (причем, вытесняющем даже синдром антисемитизма) [3].

Но памятен же и иной кавказский имидж? Мужество, героизм, благородство горцев, воспетые А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Л.Н. Толстым, не могут в одно мгновение быть зачеркнутыми! А свидетельства европейских авторов, побывавших на Кавказе в XIII—XIX веках, и восторженно описавших в своих воспоминаниях необычайную душевную щедрость горских народов?

Рассматривая Кавказ в российском и мировом контексте, признанный специалист по Северному Кавказу и наш соотечественник Ю.А. Жданов выявляет конструктивное содержание кавказской этничности, помогает увидеть за "лицами кавказской национальности" уникальный географический, геополитический и культурный массив. Отмечая с горечью прошлые и современные конфликты и конфронтации, он пишет: "Кавказ хранит в себе и ныне мощные исторические традиции. На планете не существует региона, где жили бы длительно и совместно сотни народов... Это удивительное многоцветье является драгоценным сокровищем всего человечества... Поэтому художественная и научная мысль Кавказа концентрировала свое внимание вокруг проблемы межнациональных отношений, сотрудничества и взаимопомощи народов. Традиции Кавказа в этом смысле неисчерпаемы" [4]. К сожалению, многие исследователи недооценивают ту аксиологическую компоненту, которая служит онтологическим фундаментом кавказской идентичности.

Анализ кавказского фактора возможен, повторяем, лишь в русле общих культурно-цивилизационных изменений, которые претерпело человечество. Его содержание раскрывается в полном объеме кавказской культуры, пожалуй, менее динамичной по сравнению с европейской. Этим в определенной мере и обусловлено то, что этничность здесь не только не утратила своего значения, но и выступает как базисная ценность кавказской культуры.

Первоначально кавказскости уходят к историческим корням возникновения кавказских племен и этносов на земле. Проявившись в результате их тесного взаимодействия друг с другом и природой, кавказскость складывалась, разумеется, не без влияния определенных географических условий, однако это не означает, что она объясняется лишь своеобразием природных особенностей или общностью религий, языка.

Так что же делало человека кавказцем?

Понять это можно, опираясь на следующую методологическую схему, являющуюся, по нашему мнению, достаточно обоснованной. Она связана с представлением об "этнических структурах повседневности" - специфических для каждого этноса, привычных, постоянно повторяющихся в непосредственном опыте людей явлениях. Этот уровень обыденности формирует глубинные основы национального самосознания, национальной самобытности личности и составляет базис общесоциологической категории образа жизни, придавая ему этническую окраску [5]. Именно кавказским образом жизни порождены кавказские менталитет, духовные ценности и предопределены все стороны существа кавказца.

Кавказский фактор многоаспектен и дает о себе знать на разных уровнях - региона, этнической общности, индивида. Он включает ряд содержательных компонентов, созвучных синергетическому пониманию мира. Обратившись к одному из них - идее диалога, подчеркнем, на Кавказе всегда ценилось искусство диалога, как умения слушать и, советуясь со старшими по возрасту, находить компромиссные решения. Народное суждение "Если не у кого спросить, посади свою шапку перед собой и посоветуйся с ней" выразительно свидетельствует об этом. Даже во время Великой Отечественной войны существовал комитет стариков Северного Кавказа, который обсуждал текущие дела и разрешал многие спорные вопросы в диалогической форме. С этим неизменно соседствуют идеи толерантности, гуманизма, доброжелательства, которыми наполнен ряд кавказских обычаев и норм поведения. Это константа этнического облика, свойственного кавказцу.

Известно, что в кавказской культуре конфессиональная и этническая идентичности органично взаимосвязаны. Тем не менее последняя воспринимается кавказцами не как одна из иерархических, но как высшая ступень бытия. Кавказскость - это категория, выражаемая не столько религиозной, сколько социальной идентичностью. Она неотделима от чести, справедливости, мужества, предполагает особое отношение человека к достоинству, правде и свободе. Она выступает имманентным регулятором всей жизнедеятельности индивида, составляя не биологически наследуемую, а "историческую субстанцию" бытия в социокультурной среде Кавказа.

Наверное, наши рассуждения кое-кому покажутся "не соответствующими духу времени", продиктованными желанием искусственно создать культ кавказскому фактору. Конечно же, сегодня не может идти речь об идеализации племенных или этнических качеств и нравов в их исходной первобытной форме. И вряд ли стоит воспринимать кавказскость как мифологизированное явление, обязательно ведущее к этнонационализму. Хотелось отметить, что онтологизация кавказского фактора, постулирование такового как сущности особого рода не исключают его взаимодействия с российским фактором и не отвергают общероссийскую идентичность. Для кавказца ощущать себя россиянином совсем не означает потери этнического чувства, равно как самоидентификация со своей этнической культурой вовсе не отрицает включенности в российское общество, российскую культуру. Это естественное состояние человека как гражданина Российской Федерации, отождествляемого со своим народом. На самом деле мы все - россияне. Любой из нас, независимо от национальности, осознает и признает истинность суждения о том, что в России существует реальная историческая, социальная и культурная общность, не исключаящая, а предполагающая этническую принадлежность, в том числе и кавказскую.

Существование разных этноидентичностей наряду с общероссийской, безусловно, серьезная социально-политическая проблема. Однако сие не признак слабости нашего государства скорее - свидетельство его исторической уникальности. Культурная идентичность определяет государственную монолитность, потому что единство страны может проявиться лишь через разнообразие этносов и этноидентичностей, через их взаимодействие и взаимообогащение. Диалог культур открывает путь к новому модусу идентификации и заставляет задуматься над вопросом "кто я есть?" по отношению к другим этносам, человечеству

и окружающему миру, осознать свою слитность с действительностью, в которой живешь. Правильная соотнесенность с нею обогащает собственное самосознание, расширяет личностное социокультурное поле. Углубляя свое национально особенное, начинаешь понимать, что от усилий всех народов, объединенных Россией, зависит твое социальное благополучие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Соловьев Ил.* Национальный вопрос в России//Соч. в 2-х тт. Т. 1. М, 1989. С. 263.
2. *Моисеев Н.Н.* Время определять национальные цели // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 6. С. 149.
3. См.: Новая Россия // НГ-сценарии. 1998. № 2. С. 4-5.
4. *Жданов Ю.Л.* Солнечное сплетение Евразии. Майкоп. 1999. С. 23.
5. См.: *Бороноев А.О. Скворцов Н.Г.* Этнос и личность // Человек в зеркале наук. СПб., 1993. С. 57.